

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) + 101.9 + 82(091)

В. Т. Звиревич

ВЕРГИЛИЙ-ФИЛОСОФ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МАКРОБИЯ

В «Сатурналиях» и в «Комментарии на “Сновидение Сципиона”» Макробий создает представление о Вергилии как о философе, привлекая его стихи для описания и объяснения некоторых природных явлений и философских вопросов. В качестве дополнения был использован комментарий грамматика Сервия на сочинения Вергилия.

Ключевые слова: Макробий, Вергилий, Сервий, поэзия и философия.

В «Сатурналиях» Макробий рассматривал творчество Вергилия как вершину римской мудрости. В конце первой книги участники беседы в дни Сатурналий называют дарования Вергилия. Симмах отмечает его «сильные риторические находки» [5, 1, 24, 14] (рассуждения об этом представлены в четвертой и пятой книгах). Веттий Претекстат и Флавиан указывают на его ученость в жреческом праве [Там же, 1, 24, 16–17] (этому посвящена книга третья). Особенно же значимы для нас слова Евстафия об охватившем его «восхищении от астрологии и всей философии», которую Вергилий «рассыпал по своему произведению» [Там же, 1, 24, 18]. Это позволяет допустить, что Макробий, возможно, предполагал также показать значение произведений Вергилия для философии, что сподручнее всего было сделать в виде выступления философа-неоплатоника Евстафия, о чем и свидетельствует завершающая беседу реплика Претекстата: «Потому что философия является даром богов и наукой наук, надо уважить [ее правом] вступительного слова, в связи с чем Евстафий мог бы припомнить, что ему [всегда] уступали первое место при обсуждении, когда шло изложение всякого разного» [Там же, 1, 24, 21]. Но, к великому сожалению, какое-либо рассуждение о философии Вергилия в «Сатурналиях» отсутствует, а намеченная, по-видимому, в начале третьей книге речь Евстафия [Там же, 3, 2, 6] не сохранилась в дошедших до нас рукописях.

Тем не менее стремление связать Вергилия с философией выражено вполне определенно. Вот весьма примечательное высказывание Претекстата, который имеет при этом в виду Вергилия: «Не думай, мой Авиен, будто сообщество

поэтов, когда они рассказывают о богах, не заимствует основу по большей части из святилищ философии» [5, 1, 17, 2]. Эту наметившуюся тенденцию превратить Вергилия в философа улавливает и критик всего и вся Евангел, который замечает по поводу сказанного о Вергилии: «Пожалуй, как греки превозносят все свое до бесконечности, мы тоже хотим, чтобы философствовали даже наши поэты» [Там же, 1, 24, 4]. И он упрекает собеседников в том, что их угодливость привела Вергилия к философам [Там же, 1, 24, 9].

В «Комментарии на «Сновидение Сципиона»», написанном Макробием для разъяснения той картины мира, которая нарисована в трактате Цицерона «О государстве», также говорится о принадлежности Вергилия к философам. Макробий прямо называет здесь Вергилия и поэтом, и философом одновременно. Более того, он изображает Вергилия непререкаемым философским авторитетом. При упоминании Вергилия Макробий в некоторых случаях не преминет наделить его похвальными эпитетами: «Вергилий, ни в одной науке не вполне несведущий» [8, 1, 6, 44]; «голос (sententia) Марона из сокровенной глубины науки» [Там же, 1, 7, 3]; «ученейший из вещей певцов» [4, 1, 13, 12]; «Вергилий, самый сведущий во всех науках» [8, 1, 15, 12]; Вергилия «никогда не окутывало заблуждение ни одной науки» [Там же, 2, 8, 1].

Можно отметить, что иногда Макробий ищет для него оправдание, если встречается не совсем точное словесное описание какого-либо научного положения. Мы имеем в виду разбор выражения Вергилия «per ambas [zonas]», когда он говорит о вращении (verteret) зодиака (signorum ordo) [2, 1, 238–239; 8, 2, 8, 1]. У Вергилия формально (вербально) получается, что зодиак и соответственно солнце проходят через оба умеренных климатических пояса (per temperatas [zonas]) [8, 2, 8, 2], в то время как область их движения ограничена северным и южным тропиками, отделяющими умеренные зоны от экваториального пояса, так что они (зодиак и солнце) проходят лишь под, около или близ умеренных поясов (sub ambas temperatas [zonas]), но не через них (per ambas). Макробий допускает, что использование выражения «per ambas» вместо «sub ambas» можно отнести на счет «poetica licentia» [Там же, 2, 8, 5]. Но он больше склоняется к тому, что Вергилий употребил выражение «per ambas» вместо «inter ambas» (между обоими [поясами]), и находит у него подтверждение тому, что в обычае самого поэта (more ipsius poetae) было ставить предлог «per» вместо «inter» в следующих стихах: «[Змей] и этак и так (circum perque) оплетает Арктов обоих» [2, 1, 245; 8, 2, 8, 6]. Макробий разъясняет, что созвездие Дракона вьется вокруг и между Большой и Малой Медведицами (circum eas et inter eas volvitur), а не через них (per eas) [8, 2, 8, 7]. Можно сослаться также и на комментарий грамматика Сервия — кстати, персонажа «Сатурналий» — на этот стих из «Георгик»: «Ведь [Змей] проскальзывает через ту и другую [Медведицу], *то есть между* [ними] *двумя*, касаясь хвостом Большой (maiorem) [Медведицы], брюхом достигая Малой (minorem)» [12, 1, 245].

В другом случае Макробий защищает высказывание Вергилия, которое буквально означает, что созвездие «Пса заходит (Canis occidit)», уступая место восходящему Тельцу [2, 1, 218]. На деле же Пес, «соседний с Тельцом, не виден, скрытый близостью света [солнца]». Поэтому, полагает Макробий, Вергилий в действительности

говорит о том, что Пес «пропадает (occidere)», «fades away» [9, 161], потому что, когда Телец приводит [с собой] солнце, тогда он начинает быть невидимым при соседстве солнца» [8, 1, 18, 15]. Дополним сказанное несколькими положениями из объяснений Сервия: «О чем же [Вергилий] говорит “заходит (occidit)”, он отнес к нашему зрению. Ведь суть два восхода и захода: один ἡλιακός, то есть солнечный, и другой κοσμικός, то есть мировой; откуда бывает, что те созвездия, которые вместе с солнцем восходят, не могли бы быть видимы нами» [12, 1, 218].

Превращение Вергилия в авторитетнейшего философа явно связано с тем, что Макробию нужно было убедить в правильности своих положений именно, так сказать, широкого римского читателя, и ссылки на великого поэта Рима служили этому намного лучше, чем указание на мнение греческих философов. М. С. Петрова отмечает, что «Макробий писал для латинского читателя и помимо греческих использовал латинские сочинения» [7, 79]. И далее пишет: «Повидимому, большинство выбранных фраз, вставленных в собственный текст, были хорошо известны латинским читателям... они были “на слуху” у римлян и широко использовались. Употребляя знакомые цитаты, Макробий делал шаг навстречу латинскому читателю» [Там же, 93].

Итак, Макробий создает облик Вергилия-философа, во-первых, вскрывая рациональный смысл его мифопоэтических образов. Такой подход к Вергилию мы видим в «Сатурналиях», в заключительной реплике Евстафия при рассмотрении истории римского календаря. По поводу перехода римлян от лунного календаря к солнечному он приводит слова Вергилия: «Вы, что по кругу небес ведете бегущие годы, / Либер с Церерой благой!» [2, 1, 6] — и дает им такое толкование: он обозначил «в этом обращении вожатыми года как солнце, так и луну» [5, 1, 16, 44]. В комментарии грамматика Сервия это немного конкретизируется: «Их бегом исчисляются времена; ведь посредством луны показывается месяц, посредством солнца — год» [12, 1, 6]. Такое объяснение созвучно современным представлениям о том, что философы сделали акцент на физическом (природном) содержании мифологических образов богов [6, 146–147], что и обнаруживается в стихах Вергилия. Вслед за тем Претекстат уже прямо говорит [5, 1, 18, 23], что Вергилий знал то, «что Либер-отец есть солнце и Церера — луна», и подкрепляет это ссылкой на стихи, в которых они связываются с «плодородием почвы и созревaniem плодов»: «Через ваши деяния почва / Колосом тучным смогла сменить Хаонии желудь» [2, 1, 7]. При этом подразумевается, что, согласно римским народно-мифологическим представлениям, Либер — это бог виноделия, а Церера — богиня земледелия и хлебных злаков.

Встречается подобное истолкование Вергилия [1, 3, 60] и в «Комментарии» Макробия: «А вот древние называли [небом] самого Юпитера, и у богословов Юпитер — это душа мира. Отсюда слова [Вергилия]: *От Юпитера — начало, о Музы, все полно Юпитером*» [4, 1, 17, 14]. Таким образом, и Вергилию приписывается понимание Юпитера как души мира. Интересно то, что Сервий сравнивает эту строку из «Буколик» со строками «Энеиды», в которых говорится о дыхании, питающем мир, и уме, движущем его [3, 6, 726–727], из чего заключает, что Юпитер «есть дыхание (spiritus), без которого ничего не движется и не управляется» [11, 3, 60].

Также и мифологический сюжет о наказании Тития, который использует Вергилий, Макробий относит к такого рода воззрениям — рационально-философским и близким неоплатоникам, согласно которым преисподняя — это наш мир и сами человеческие тела, а поэтому и «описание наказаний взято из самой практики человеческого общежития». Соответственно и цитаты Вергилия он включает в следующий контекст: «Стервятника, *терзающего бессмертную печень* [3, 6, 598], они предпочитали понимать не иначе, как угрызения совести, которая берedit самое нутро... И если [люди] вдруг попробуют успокоиться, она всегда возбуждает заботы, словно *внедряется в отрастающую заново печень*» [3, 6, 600; 4, 1, 10, 12].

Второй путь «прикрепления» Вергилия к философии состоит в том, что Макробий перемещает стихи Вергилия из его сочинений в строй своей философской аргументации, невзирая на то, есть ли какое-либо соответствие между контекстами используемых цитат и его собственного комментария. Разумеется, в этом случае могли иметь место как рационализация мифологических представлений, на что было указано выше, так и придание словам Вергилия чисто философского звучания и даже выражения идей какого-либо философского учения.

В ряде случаев соотношение контекста Макробия с контекстом цитат Вергилия рассмотрено в источниковедческом плане, то есть преимущественно в смысле фиксации их совпадения и расхождения, в указанной выше книге М. С. Петровой [7, 79–93]. Наша же задача заключается в том, чтобы на этом основании сделать выводы, касающиеся формирования образа Вергилия-философа.

При описании видов сновидений Макробий, чтобы подтвердить существование снов-наваждений, привлекает строчку Вергилия о том, что «души усопших к небу шлют наваждения» [4, 1, 3, 6]. Эта строчка содержится в завершении описания путешествия Энея по подземному миру [3, 6, 897], то есть в сюжете чисто мифологическом, но переносится в область психологии, когда наваждения рассматриваются как сопутствующие любовным волнениям [4, 1, 3, 6; 3, 4, 4; 8]. Если воспользоваться выражением Сервия, это можно назвать переходом от поэтически (*poetice*) изображенного вымысла к природоведению (*physiologia*) [10, 6, 893]. Такого же рода переносы, но касающиеся уже этики, имеют место в использовании слов Вергилия [3, 6, 664] о наградах мертвым, оставившим по себе добрую память ([Комм. 1, 8, 6]), и о душах, которые «*боятся и жаждут, печалются и радуются*» [4, 1, 8, 11; 3, 6, 733; 7, 81–82].

В отыскании у Вергилия «философской истины» Макробий перетолковывает его изображение подземного мира в шестой книге «Энеиды» в связи с посмертными путями людей. Философы пришли к представлению о том, что души славных людей приходят на небо, в то время как мифология и Вергилий помещают умерших героев в подземный мир. И Макробий, привлекая мнение Гесиода о том, что древние герои, «*некогда люди, теперь, вместе с небожителями они охраняют земное*» [4, 1, 9, 7], стремится обелить Вергилия как философа и говорит: «Это не отрицает и Вергилий, который, хотя и отправил, сообразуясь со своим повествованием, героев в преисподнюю, однако не лишает их неба, но отдает им “высокий эфир” и прямо заявляет, что они [там] *знают свое солнце и свои звезды*, чтобы

изложением двуединого учения (*geminae doctrinae*) представить и поэтический вымысел (*poeticae figmentum*), и философскую истину (*philosophiae veritatem*)» [4, 1, 9, 8]. Таким образом, преисподняя Вергилия приобретает философский характер, становится неким микрокосмом: «Здесь над полями высок эфир, и светом багряным / Солнце сияет свое, и свои загораются звезды» [3, 6, 640–641]. Макробий создает у читателя впечатление, что и у Вергилия герои получают блаженное существование как бы на небе. Это «подтягивание» подземного мира Вергилия к небесному философов мы видим и в следующем параграфе [4, 1, 9, 9], в котором Макробий приводит его слова о том, что души «за гробом (*tellure repostos*)» занимаются тем же, чем занимались «при жизни (*vivis*)» [3, 6, 653–654], и заключает, что тем более это свойственно и «принятым обратно на небо». Отметим еще и то, что Макробий подобно Сервию соотносит поэзию с мифологическим вымыслом, а философию — с истинным, разумеется в его понимании, положением дел.

Для указания на значительность чисел «три» и «четыре», из которых, в частности, рождаются музыкальные созвучия, Макробий цитирует стих «Трижды, четырежды тот блажен...» [Там же, 1, 94], в котором, по его мнению, Вергилий желал «изобразить во всем счастливых [людей]» [8, 1, 6, 44]. В таком истолковании строка Вергилия наполняется духом пифагорейского учения. Однако для этого нет достаточных оснований, ибо цитируемые слова взяты из молитвы Энея во время бури, в которой он называет блаженными тех, кто встретился со смертью в бою, а не в кораблекрушении. Натяжка Макробия становится еще более заметной, если обратиться к комментарию Сервия, который чисто грамматически понимает слова Вергилия: «“Трижды, четырежды”, то есть многократно; конечное число вместо бесконечного» [10, 1, 94].

Очередное «подтягивание» Вергилия к пифагорейско-платоновским воззрениям имеет место тогда, когда Макробий пишет о том, что сочетание души с телом определяется числами; пока они сохраняются, тело одушевлено; конец же телу приносит «иссякновение его чисел» [4, 1, 13, 12–13]. И для подтверждения, а равно и выражения этого ему очень подошли слова Вергилия «...explebo numerum reddarque tenebris» [3, 6, 545]. Поэтому нам кажется, что, в согласии со своими рассуждениями, Макробий мог вкладывать в слова «explebo numerum»¹ тот смысл, на который среди прочего указывает Сервий: «“explebo” означает (*est*) “я уменьшу (*minuam*)”... пониманием, следовательно, является: я уменьшу ваше число и возвращусь во мрак» [10, 6, 545]. Но если слово «explebo» в таком понимании еще могло иметь отношение к тому, о чем говорил Макробий, то самое главное для него слово «numerus» совершенно не имело у Вергилия того значения сущности, связывающей душу и тело, которое было ему нужно. Ибо приведенные Макробием слова вложены Вергилием в уста Деифоба, с которым Эней беседует в преисподней и который говорит просто о количестве, «толпе»². Именно для характеристики подобного, чисто внешнего, вовлечения Вергилия в философию

¹ С. А. Ошеров вообще обходится в своем переводе без глагола «expleo»: «...в толпу и во мрак возвращаюсь!» [3, 6, 545]. М. С. Петрова переводит: «я пополнил число и вновь воссоединюсь с тьмою» [4, 1, 13, 12].

² Вопрос о том, кто составляет это количество, толпу, мы оставляем в стороне. Укажем лишь на толкование М. С. Петровой [7, 89].

подходит мнение М. С. Петровой: «Макробий, как правило, выхватывает у Вергилия то, что кажется ему подходящим для собственного изложения... легко и умело переставляя акценты...» [7, 84].

Третий момент в изображении Вергилия в качестве философа — это приведение Макробием цитат, которые более-менее близки к научно-философскому контексту его комментария и соответственно показывают поэта знатоком в таких вещах. В немалой степени это цитирование «Георгик», в которых природные явления затрагиваются в связи с их главной темой — земледелием. Так что не случайно именно из «Георгик» Макробий берет слова «*для смерти места нет*» [2, 4, 226], выражающие натурфилософский принцип вечности бытия и соответствующие, согласно его заявлению, «выводам здравого рассуждения, которые были ведомы и Цицерону, и Вергилию» [4, 2, 12, 13]. В комментарии на эту строку Сервий справедливо упоминает о Лукреции [12, 4, 226].

В ходе цитирования «Георгик» по различным астрономическим вопросам Вергилий устаивается у Макробия определения «поэт, знаток (*consci*) самой природы», так как ему многое ведомо. Ему известно, что луна «при затмении испытывает ущерб (*laborat*), не воспринимая света солнца» [8, 1, 15, 12], который он описывает как «Муку луны» [2, 2, 478]. В стихах об Арктах, «которым в волнах океанских страшно намокнуть» [Там же, 1, 246], Макробий видит указание Вергилия на то, что Большая Медведица и Малая Медведица всегда находятся над нами и всегда видны нам, в то время как в стихах о другой мировой вершине, которую «видит у ног своих Стикс и маны в подземных глубинах» [Там же, 1, 242–243], — указание на то, что южная вершина неба, напротив, навсегда спрятана от нас [8, 1, 16, 4, 5]. Вергилий, пишет Макробий, различает «лунный год, который является коротким», и «год, который создается бегом солнца», так как называет «год солнца большим в сравнении с лунным» [Там же, 2, 11, 6]: «Солнце свой круг пролетело и год большой завершило»³ [3, 3, 284].

Есть еще и другие примеры использования стихов, в которых затрагиваются вопросы, обсуждаемые и самим Макробием. Так, для подтверждения положения Порфирия о завесе, мешающей душе «видеть связи затененной природы» [4, 1, 3, 18], он ссылается на Вергилия: «А что так и есть в природе, показал Вергилий», — и цитирует его: «Я развею ту пелену, что ныне... притупляет твой смертный взор» [Там же, 1, 3, 19]. Эта цитата [3, 2, 604] взята из рассказа Анхиза, который хочет раскрыть Энею истинную причину падения Трои — «богов беспощадность». Непонимание этого Энеем он и называет туманом и завесой его очей. Сервий находит для этого тумана соответствие в реальном явлении: «Говорят ведь, что туман, поднявшийся от земли, мешает нашим взорам; откуда орел, потому что он бывает выше тумана, видит больше» [10, 2, 604].

Далее, основанием для того, чтобы сделать Вергилия сведущим в науке прорицаний, Макробию, в то время как он сам рассуждает о предвидении опасностей, служат слова предсказателя Гелена, к которому обратился Эней. Гелен говорит,

³ Перевод С. А. Ошерова изменен, так как в нем отсутствует слово, ради которого Макробий цитирует Вергилия, — «*magnum (annum)*».

что не может знать всего о грядущих бедах, ибо этого не позволяют ему Парки и Юнона, дочь Сатурна [3, 3, 379–380]. Так Макробий подкрепляет свое мнение, что человек отыскивает знаки будущего, «если этому не препятствует божественная сила» [8, 1, 7, 3]. Далее он отмечает, что Вергилий искусно описывает наставление оракула [Там же, 1, 7, 8]. Кроме того, в «Сатурналиях» [5, 3, 7, 1–2] и сам Вергилий наделяется даром пророка, когда пишет, что баран с багряной или золотистой шерстью знаменует удачу и награды [1, 4, 43–44]. Это вполне оправданно, так как четвертая эклога «Буколик» рассказывает о наступлении золотого века.

Недвусмысленное указание на то, что Вергилию присущи воззрения, роднящие его с неоплатонизмом, Макробий делает после того, как описал неоплатоническую иерархию бытия: «Такой порядок вещей устанавливает и Вергилий» [4, 1, 14, 14]. Свидетельства этого он находит в рассказе Анхиза о мирострое и круговороте душ. Во-первых, Вергилий «наделил мир душой», ибо его «*питает изнутри дыхание*» (spiritus) [3, 6, 726], то есть душа». Сервий считает это дыхание божественным, а слова «изнутри питают» означают у него, что «оно оживляет и сохраняет в веках (in aeternitatem), потому что оно смешано, и ни одна часть первоэлемента не пребывает без бога» [10, 6, 726]. Во-вторых, Вергилий «объявил, что она есть Ум: *ум (mens) движет громаду [мира]*» [3, 6, 727] и сочетается с ним, называемым Вергилием «большим телом» [4, 1, 17, 5]. Хорошо выразил положение о их единстве Сервий: «одно и то же есть, сказал [ли] бы он, или ум (mentem), или дух (animum), или дыхание (spiritum)» [10, 6, 726]. В-третьих, «дабы показать, что вся совокупность живого движется и одушевляется самой Душой, он добавляет: *род оттуда людей и скотов* и прочие [твари]» [3, 6, 728].

К этому месту Вергилия Макробий обращается далее в обширном рассуждении о мировом движении, звучании небесных сфер, о музыкальной сущности души с позиций пифагорейско-платоновской философии и говорит, что «душа мира доставляет жизнь всем живущим» [8, 2, 3, 11]. И затем вновь приводит указанную выше цитату с дополнением: «Род отсюда [идет] и людей, и зверей, и пернатых, / Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью⁴» [3, 6, 728–729]. Платоновский дух этого высказывания Вергилия хорошо выразил и Сервий: «"Откуда род людей и скотов" — от четырех первоначал (elementis) и бога» [10, 6, 728].

Наконец, в повествовании Анхиза Макробий находит подтверждение того важного положения неоплатонизма, что душа ослабевает, опускаясь в материальный мир. Он цитирует одну из двух строк [3, 6, 731], в которых сказано, что жизненная сила присутствует «*в той мере, в какой не препятствуют вредоносные тела*» [4, 1, 14, 14]. Сервий поясняет эту строчку так: «...настолько, он говорит, полнится жизнью в людях часть божества, насколько позволяет качество тел» [10, 6, 730–731].

⁴ Перевод С. А. Ошерова изменен в соответствии с тем, что первая строка начинается со слова «hinc» или «inde».

Макробий связывает и некоторые другие стихи Вергилия с неоплатонической темой пленения души телом. Так, он пишет [4, 1, 9, 4–5]: «... душа, сроднившаяся с привычками тела... *негодую, к теням отлетает со стоном* [3, 12, 952]. И нелегко оставляет она тело после смерти, так как ей *не дано до конца от зла, от скверны телесной освободиться* [3, 6, 736]».

Намеченные в нашей статье направления, по которым, мы полагаем, Макробий показывает принадлежность Вергилия философии, могут быть в дальнейшем рассмотрены на всем массиве цитируемых стихов.

---

1. *Вергилий*. Буколики / пер. С. В. Шервинского [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/> (дата обращения: 10.06.2015).

2. *Вергилий*. Георгики / пер. С. В. Шервинского [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/> (дата обращения: 08.07.2015).

3. *Вергилий*. Энеида / пер. С. А. Ошерова [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/> (дата обращения: 18.07.2015).

4. *Макробий*. Комментарий на «Сон Сципиона» / пер. М. С. Петровой // Петрова М. С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007.

5. *Макробий*. Сатурналии. Екатеринбург, 2009.

6. *Муравьев С. Н.* Каким было начало сочинения Гераклита Эфесского? // Вестн. древней истории. 1970. № 3.

7. *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007.

8. *Macrobii* Commentarii in Somnium Scipionis // Macrobius. Vol. 2. Leipzig, 1970.

9. *Macrobius*. Commentary on the Dream of Scipio / transl. by W. H. Stahl. N. Y., 1952.

10. *Servii*. Grammatici In Vergilii Aeneidos libros commentarius [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (accessed: 21.09.2015).

11. *Servii*. Grammatici In Vergilii Bucolicorum libros commentarius [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (accessed: 21.09.2015).

12. *Servii*. Grammatici In Vergilii Georgicorum libros commentarius [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (accessed: 21.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2016 г.